

Цюаньцзы не питал особой любви к пушистым созданиям, однако, глядя на этого кругломордого коротколапого тапирёнка с коротким хвостом, не мог не проникнуться нежностью. Возможно, потому, что это создание так нравилось Чжуан Яну.

Поднявшись на второй этаж, Цюаньцзы сразу заметил на перилах коридора горшок с цветком — тот самый, что он подарил Чжуан Яну. Растение ухожено: прежде вялые листья теперь полны жизни. Чжуан Ян заботился о нём так искусно, что это сродни чуду.

— Цюаньцзы, подойди сюда.

Услышав зов, Цюаньцзы вошёл в спальню.

Он впервые оказывался в комнате Чжуан Яна. Едва переступив порог, почувствовал запах трав — в углу курилась благовониями небольшая курильница. В Деревне Чжу водилось много мошек, и окуривание помогало отогнать насекомых и очистить воздух.

Спальня Чжуан Яна была чистой и просторной: кровать, письменный стол, подставка для лампы да курильница — всё выглядело скромно, но уютно. Однако больше всего внимание привлекал сложный деревянный стеллаж у стола. Цюаньцзы был неграмотен, как и большинство жителей Деревни Фэн, и книг в домах у них не водилось. Поэтому, увидев у Чжуан Яна целые полки книг, он был потрясён.

— Цюаньцзы, присядь здесь.

Чжуан Ян открыл лакированный ящик, достал оттуда деревянную коробочку размером с ладонь. Внутри лежал лекарственный порошок. В обычных семьях таких аптечек не держали, но поскольку брат с сестрой были ещё юны, а в Деревне Чжу водилось много змей и насекомых, Чжуан Ян припас снадобья на всякий случай.

— Покажи ногу, я обработаю рану.

— Я сам.

Увидев, что Чжуан Ян собирается размотать повязку, Цюаньцзы поспешил отказаться.

Он сам снял бинты, обнажив рану. Она ещё не зажила, сочилась сукровицей. Приглядевшись, можно было заметить, что порез неширок, но довольно глубок, будто от острого предмета. На коже остались следы зелёного травяного настоя, которым рану уже пытались лечить.

— Если впредь поранишься, приходи ко мне за лекарством.

Чжуан Ян смочил платок водой и осторожно промокнул рану. Движения его были так легки, что Цюаньцзы почти не чувствовал боли. Он смотрел на Чжуан Яна с глуповатым выражением, не ожидая, что тот сам станет заниматься его раной.

— Порошок может жечь, потерпи немного.

Чжуан Ян взял щепотку порошка и присыпал им рану. Цюаньцзы поморщился — действительно, было больно.

— Готово.

С улыбкой Чжуан Ян достал из ящика чистый бинт и аккуратно перевязал ногу. Пальцы его двигались ловко и уверенно, и, глядя на его сосредоточенное лицо, Цюаньцзы почувствовал

лёгкую неловкость.

— Всё... готово...

Цюаньцзы убрал ногу и опустил штанину.

— Забери этот порошок с собой, не забывай менять повязку каждый день.

Чжуан Ян высыпал половину порошка из коробочки, завернул в бумагу и протянул свёрток Цюаньцзы. Тот крепко сжал его в руке. Ему следовало бы поблагодарить Чжуан Яна, но он лишь смотрел на него, выглядя немного растерянным.

— Цюаньцзы-сюн!

— Цюаньцзы-сюн!

Снизу донеслись детские голоса — ученики, видимо, заметили, что учитель пропал.

Цюаньцзы встал, поклонился Чжуан Яну и направился к выходу. Едва он переступил порог, как услышал вопрос:

— Цюаньцзы — это детское прозвище, верно? А настоящее имя у тебя есть?

Имя «Цюаньцзы» было простонародным, уничижительным — наверное, его дали в надежде, что ребёнок будет легче расти. Но теперь Цюаньцзы был уже отроком, и такое имя больше не подходило.

На поверхности пруда покачивались десятки листьев лотоса, создавая живописную картину. Чжуан Ян, прогуливаясь у воды утром, присел на каменную плиту и наблюдал, как в прозрачной воде резвятся две маленькие креветки. Утренний ветерок ласкал его волосы и одежду, касаясь правильных черт лица.

Одного из двух задорных петухов со двора уже зарезали. Второй же по-прежнему заводил свою песню на рассвете, не ведая страха перед ножом или топором, — настоящий пример петушиного рвеня. Чжуан Ян в тот день проснулся рано и сидел у пруда, погружённый в раздумья.

Когда пришёл Цюаньцзы, Чжуан Ян как раз собирался вернуться в дом, услышав его разговор с А-И.

— Цюаньцзы, ты так рано. Что случилось?

— А-И, Эрлан дома?

— Дома, за кустом камелии.

Чжуан Ян вышел из-за куста. Он не удивился визиту Цюаньцзы, но тот и вправду пришёл очень рано.

Накануне Чжуан Ян спросил у Цюаньцзы, есть ли у него настоящее имя. Тот ответил, что при рождении отец дал ему имя, записанное на лоскуте шёлка: «Хун». Но он не знал, какой именно иероглиф, ведь читать не умел.

Среди пышных, ярко-алых соцветий камелии Цюаньцзы увидел Чжуан Яна в простой одежде и

на мгновение замер.

— Цюаньцзы, иди сюда.

Чжуан Ян с улыбкой подозвал его к пруду. Густые кусты камелии словно образовали ширму, отделяя их от слуг во дворе.

Цюаньцзы бывал во дворе семьи Чжуан не раз, но к пруду подходил впервые. Он даже не подозревал, что за камелиями скрывается такой тихий и красивый уголок.

Лоскут шёлка, который он долго держал в руке, сохранил тепло тела. Цюаньцзы передал его Чжуан Яну, положив на ладонь. Тот развернул лоскут и увидел иероглиф «Хун», написанный сильным, уверенным почерком.

— Тебя зовут Лю Хун. «Хун» означает «широкий», «великодушный». Это прекрасное имя.

Чжуан Ян поднял с земли маленькую веточку и вывел на земле крупный иероглиф «Хун», чтобы Цюаньцзы мог его разглядеть.

Цюаньцзы молча слушал, глядя на начертанный знак. Иероглиф был не слишком сложным, но Цюаньцзы не мог его прочесть — он не знал грамоты.

— Твой отец возлагал на тебя большие надежды. Наверное, он хотел, чтобы ты вырос человеком с великими устремлениями.

Такое имя не было типичным для простолюдинов, обычно выбиравших имена вроде «Долголетие», «Благоденствие» или «Богатство». Кем же был отец Цюаньцзы?

Лю Хун. Цюаньцзы повторил это имя про себя. Так вот какое оно. Отец, которого он никогда не видел, возлагал на его будущее большие надежды.

— Отныне я буду звать тебя А-Хун.

Цюаньцзы, до того молча опускавший голову, резко поднял взгляд. Его брови расправились, уголки губ дрогнули в едва заметной улыбке, и он тихо ответил:

— Хм.

Чжуан Ян улыбнулся и вернул лоскут шёлка.

— Спасибо, Эрлан.

— Не за что. Это мне следует благодарить тебя за ирис. Только впредь не лезь на скалы. Если что случится, как я буду перед твоей матерью отвечать?

Чжуан Ян уже знал, что подаренный ему ирис был сорван с отвесной скалы в горах. Накануне Чжуан Лань, увидев цветок, удивилась и рассказала брату, как Цюаньцзы едва не сорвался, пытаясь его достать. Видимо, он снова отправился туда один и, рискуя, всё же сорвал цветок.

Цюаньцзы кивнул, слегка смутившись. Выходит, Чжуан Ян знал о его скальной вылазке. На самом деле, Цюаньцзы отважился на это лишь потому, что был уверен в своих силах. Он жил с матерью и дорожил своей жизнью.

— Эрлан, я пойду.

— Ступай, А-Хун.

Чжуан Ян улыбнулся. Он видел, что, хотя Цюаньцзы был немногословен и сдержан, тот относился к нему с теплотой. Будучи единственным ребёнком в семье, Чжуан Ян порой чувствовал одиночество и решил, что будет больше опекать этого мальчика.

— Хм.

Цюаньцзы редко улыбался, но сейчас его лицо озарила улыбка.

Проводив Цюаньцзы взглядом, Чжуан Ян подумал, что нужно попросить А-Лань и остальных называть его А-Хун. Имя сопровождает человека всю жизнь, а разница между Лю Цюаньцзы и Лю Хун — как между небом и землёй.

Вернувшись домой, Цюаньцзы отдал лоскут шёлка матери и передал слова Чжуан Яна. Матушка Лю была глубоко тронута. Отец ушёл так поспешно, что даже не объяснил значение имени, и она не знала, что оно столь возвышенно. Она снова убрала лоскут — единственную вещь, оставшуюся от отца.

— Эрлан и вправду добрый человек, сынок. Когда вырастешь, обязательно отплати ему добром.

Матушка Лю дни и ночи проводила за ткацким станком, а забота её о Цюаньцзы ограничивалась тем, что она готовила ему два раза в день. Даже рану на ноге заметил не она, а Чжуан Ян, который и дал ему лекарство. Матушка Лю случайно увидела, как Цюаньцзы перевязывает ногу, и только тогда узнала о травме.

Цюаньцзы кивнул. Когда он вырастет, он обязательно отблагодарит Чжуан Яна.

Поговорив об этом, матушка Лю снова погрузилась в работу. Её ткань была почти готова. Другим требовалось два месяца, чтобы завершить такой отрез, а она справлялась за полтора — не потому что была проворнее, а потому что работала усерднее, с рассвета до заката.

— Мама, когда продадим ткань, я хочу купить двух кроликов и ещё льняной пряжи.

<http://bllate.org/book/15945/1425551>